

представителем которого был св. Бонавентура. Эта школа продолжала традицию теологов XII века и еще более углубленно изучала труды св. Августина. Однако в ту эпоху страх перед пантеизмом был так велик, что даже ав-густинисты в своем учении предоставили права гражданства аристотелевским поняти-

295

1. Греческое и арабское влияния

ям, которые давали возможность провести более строгое разграничение между Богом и человеком. Шаг вперед в направлении ари-стотелизма был сделан доминиканской школой, самый крупный представитель которой — св. Фома. Здесь Аристотеля приняли не по необходимости и не в качестве только терпимого автора: его идеи находятся в сердцевине учения, и в нем нет ни одной части, где бы они не присутствовали в более или менее явном виде. На этот раз аверроистский натурализм был побежден самим аристотелизмом, на подлинное истолкование которого он претендовал. Удивительный успех томизма обусловлен прежде всего тем, что он сумел извлечь из хаоса новых идей специфическое лекарство от опасностей, которые они несли в себе. Но была еще третья школа, которая не испытывала подобных сомнений и не замечала никакой опасности: это школа аверроистов, наиболее типичным представителем которой является Сигер Брабантский. Учение Аристотеля в интерпретации Аверроэса он считал окончательной истиной. Само собой получалось, что, принимая аверроизм в его буквальном смысле, эти философы решительно ставили себя вне развития теологии и открыто отказывались согласовывать свою философию с религией. Наконец, мы видим, что в ту же самую эпоху появляется четвертое философское направление, оригинальность и значительность которого нередко игнорируются: задолго до Возрождения оно ориентировалось на науки о природе. Сторонники этой философии, главный представитель которых — Роджер Бэкон, тоже не избежали влияния арабов, но в данном случае оно касалось не столько метафизики, сколько физики, медицины и астрономии. Благодаря им Оксфорд стал пылающим очагом как традиционно ав-густинистских, так и научных умозрений; его решающее влияние на метафизику обнаружится в следующее столетие, и оно действительно явится отправной точкой философии опыта.

ЛИТЕРАТУРА

О латинских переводах произведений арабских и греческих авторов: Geyer B. Die patristische und scholastische Philosophie. Bonn, 1924, S. 342—351; Wulf M. de. Histoire de la philosophie medievale. Louvain, 1924—1925, vol. 1—2; v. 1, p. 64—67; v. 2, p. 25—88 (эти превосходные страницы дополнены обширной библиографией: p. 54—58); Bedoret H. Les premieres traductions toledanes de philosophie. (Euvres d' Alfarabi // Revue neoscholastique de philosophie, 1938, v. 41, p. 80—97; Les premieres versions toledanes de philosophie. (Euvres d'Avicenne // Ibid., p. 374—400; L'auteur et le traducteur du Liber de Causis // Ibid., p. 519—533.

Гундиссалин и влияние Авиценны: De processionem mundi // Pelayo Menendez. Historia de los heterodoxos Espanoles. Madrid, 1880, v. 1, p. 691—711; Correns P. Die dem Boethius falschlich zugeschriebene Abhandlung des Dominicus Gundissalinus «De Unitate». Münster, 1891; Billow G. Des Dominicus Gundisalvi Schrift von der Unsterblichkeit der Seele, nebst einem Anhang, enthaltend die Abhandlung des Wilhelm von Paris (Auvergne) «De immortalitate animae». Münster, 1897; Baur L. Dominicus Gundissalinus «De divisione philosophiae», herausgegeben und philosophie-geschichtlich untersucht. Nebst einer Geschichte der philosophischen Einleitung bis zum Ende der Scholastik. Münster, 1903; фрагменты трактата